

ВОСПОМИАНІЯ

БЫВШАГО ВОСПИТАННИКА 2-ГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

А. Пушкинъ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Грибоевъ.

Въ концѣ 1822 года, десяти лѣтъ отъ роду, я поступилъ во 2-й кадетскій корпусъ, въ резервную роту (что нынѣ неранжированная). Настоящее названіе болѣе бы соотвѣтствовало тогдашнему составу роты, ибо въ ней были кадеты, въ полномъ смыслѣ слова, безъ ранжира; нѣкоторые были лѣтъ 15 и старше: это были кривоногіе и больноногіе инвалиды, не входившіе въ составъ баталіона. Прочія роты были строевыя.

Хотя прошло уже около 40 лѣтъ съ того времени, но я очень хорошо помню мое вступленіе въ корпусъ: послѣ докторскаго осмотра и спроса, что я знаю, безъ всякаго испытанія, меня привели въ классы и посадили въ VII нижній, соотвѣтствующій нынѣшнему пригготовительному классу. Учителемъ былъ тогда діаконъ Т....й, учившій русской грамотѣ. Привелъ меня въ классъ дежурный по корпусу полковникъ Дружининъ. Его называли папашей, по необыкновенной добротѣ и ласковому обращенію съ кадетами, что было тогда рѣдкостію. При входѣ нашемъ въ классъ, была тишина, и одинъ изъ воспитанниковъ

читалъ громко, нараспѣвъ, а прочіе сидѣли смиренно, уткнувши носы въ книги; но, лишь только полковникъ вышелъ, тотчасъ поднялся шумъ, и многіе кадеты, большаго роста, подошли ко мнѣ съ различными вопросами. Діаконъ началъ кричать на нихъ, произнося весьма непривѣтливые эпитеты, для усмиренія класса. Это меня чрезвычайно удивило.

Вскорѣ ударилъ барабанъ, и всѣ толпою бросились изъ класса, обгоняя другъ друга и едва не сшибая съ ногъ тѣхъ, которые не успѣвали отстраняться. Я испугался, стоялъ прижавшись къ стѣнѣ корридора, не зная, что дѣлать и куда идти. Вдругъ какой-то довольно большаго роста кадетъ, съ колесообразными ногами, качавшійся изъ стороны въ сторону, какъ маятникъ, ударилъ меня по плечу и басомъ сказалъ:

— Что ты стоишь, колпакъ? ступай въ роту.

— Въ какую? спросилъ я.

— Извѣстно, въ резервную.

— А гдѣ она?

— Пойдемъ со мною: я тоже въ этой ротѣ.

И пошелъ ковылять, размахивая страшно руками и напѣвая басомъ какую-то пѣсню. Я медленно подвигался за нимъ, пока мы дошли до роты. Спутникъ мой привелъ меня къ фельдфебелю, который указалъ мнѣ камору, куда я и отправился.

Не стану описывать, какъ приняли меня товарищи: это извѣстно каждому и ведется, вѣроятно, одинаково съ основанія корпуса и до сихъ поръ: обыкновенно новичка обступаютъ, спрашиваютъ фамилію, кто его родители, откуда онъ пріѣхалъ, и т. п., рассматриваютъ его одежду, каждый дѣлаетъ свои замѣчанія, сопровождаемыя иногда насмѣшками; но первые дни не обижаютъ новичка. Спустя нѣсколько дней начинаются пинки, щелчки и различныя подобнаго рода любезности, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока новичекъ самъ не дастъ сдачи съ процентами комунибудь изъ товарищей: тогда онъ уже перестаетъ быть новичкомъ и его перестаютъ обижать.

Въ каморѣ, куда я поступилъ, не оказалось свободной кровати на мою долю, и потому меня положили въ повалку (*).

(*) Теперь покажется многимъ непонятно это выраженіе, и потому необходимо пояснить его: *въ повалку* означало, что двѣ кровати сдвигались и третьяго клали между двумя, на ребра обѣихъ кроватей, не давая ему ни подушки, ни одеяла, которыя должны были удѣлять ему оба товарища. Такихъ повалокъ иногда было по три и по четыре въ каморѣ.

Можно представить себѣ всѣ невыгоды подобнаго рода ночлега: я долженъ былъ довольствоваться уголкою подушки и кончиною одѣяла, и то съ опасеніемъ не обезпочить настоящихъ владѣльцевъ, подвергая себя при этомъ получить не одинъ толчокъ, довольно чувствительный, а при одной мысли принести жалобу—быть избитымъ донельзя.

Такъ я промучился двѣ недѣли, пока, на мое счастье, одинъ изъ товарищей ушелъ въ лазаретъ, и я получилъ наконецъ его кровать въ собственное владѣніе. Послѣ уже, сколько помню, мнѣ не приходилось быть въ подобномъ положеніи.

Распредѣленіе занятій, въ то время, было слѣдующее: въ три четверти шестаго били повѣстку, по которой воспитанники должны были вставать; въ шесть часовъ—зорию: къ этому времени они должны были одѣться, вымыться и вычиститься, и если унтеръ-офицеръ строгій, то нельзя было промедлить минуты, и по зорѣ должно было быть готовымъ къ осмотру, а иначе грозило наказаніе строгое. На мою бѣду, въ числѣ прочей одежды, въ то время, были краги, т. е. черные кожаные напуски, пришитые у колѣна къ суконнымъ панталонамъ сѣро-синяго цвѣта и застегивающіеся съ боковъ на шесть пуговицъ (*). Застегиваніе этихъ крагъ было для меня камнемъ преткновенія: кожа толстая, края пуговицъ острые,—все это было слишкомъ ощутительно для непривычныхъ пальцевъ десятилѣтняго мальчика, такъ что я не только до шести, но и до девяти часовъ не успѣвалъ бы съ этой работой; но, на мое счастье, явился добрый товарищъ, пока по этой части: онъ предложилъ мнѣ за булку, получаемую ежедневно вмѣсто завтрака, застегивать краги, и я охотно согласился лишать себя булки и голодать съ утра до обѣда, лишь бы не быть наказаннымъ унтеръ-офицеромъ, который былъ весьма строгій и имѣлъ обыкновеніе творить расправу собственноручно, или, посредствомъ длинной линейки, производить опухоль на ладоняхъ бѣдныхъ его подчиненныхъ.

Такъ я голодалъ недѣли три, пока не привыкъ самъ къ этой трудной работѣ.

Въ семь часовъ вели въ классы, до одиннадцати, на два урока, по два часа каждый; отъ одиннадцати до двѣнадцати—фронтное ученіе; въ двѣнадцать—обѣдъ; въ два часа—опять въ клас-

(*) Для парадной формы кадеты имѣли бѣлые суконные панталоны съ накладными крагами, въ которыхъ ходили и въ отпускъ.

сы, до шести, на два урока; въ семь часовъ—ужинъ; въ три-четверти девятого—повѣстка ложиться спать; въ девять часовъ—зоря, по которой должны были всѣ быть въ кроватяхъ, иначе угрожало наказаніе. Тутъ опять встрѣтилась мнѣ новая бѣда: въ то время, было обыкновеніе складывать на ночь платье на табуретахъ, у своихъ кроватей. Съ перваго взгляда кажется это дѣло хорошее, приучающее съ дѣтства къ порядку; но на самомъ дѣлѣ это была невыразимая пытка для бѣдныхъ кадетъ, въ особенности для новичковъ, ибо унтеръ-офицеры требовали необыкновеннаго искусства при складываніи платья: оно должно было быть сложено единообразно у всѣхъ, имѣть правильную четырехугольную форму, нигдѣ не выдающуюся и гладкую какъ блинъ; каждая вещь изъ одежды должна была лежать по установленному образцу, и подтяжки не могли лежать ниже чулокъ, чулки—ниже мундира (*), и т. д. Чего, кажется, мы не предпринимали, чтобы угодить нашимъ старшимъ: каждую вещь разглаживали руками, вытягивали вдвоемъ изъ всей силы, чтобы не было морщинъ, укладывали тщательно и потомъ все уколачивали табуретами; но часто всѣ труды наши оставались безуспѣшны, и едва только уснемъ первымъ сладкимъ сномъ, какъ строгій унтеръ-офицеръ, который могъ ложиться не по зорѣ, а когда ему вздумается, сдергиваетъ одѣяло и весьма чувствительнымъ толчкомъ указываетъ на разбросанное платье, съ грознымъ словомъ: «перелож!» , и работа начинается снова. Иногда это повторяется три и четыре раза, и все-таки кончается тѣмъ, что на другой день бываешь наказанъ за неумѣнье складывать платье, а главное—за безпокойство, причиненное унтеръ-офицеру. Поневоля опять пришлось прибѣгнуть къ доброму товарищу, искусному по этой части, который, за обѣщанные ему гостинцы и пироги за обѣдомъ, согласился помочь моему горю.

Такъ бѣдовалъ я не только въ резервной ротѣ, но часто и въ 3-й мушкетерской (нынѣ 2-й), въ которую былъ переведенъ на слѣдующій годъ.

Едва не забылъ я рассказать одно происшествіе, которое обошлось мнѣ недешево. При поступленіи въ корпусъ, я довольно хорошо говорилъ по-нѣмецки, потому что дома посто-

(*) Тогда куртокъ еще не было, а ходили постоянно въ мундирахъ.

янно говорилъ на этомъ языкѣ съ матерью моею, природною нѣмкою. Желая похвастать передъ учителемъ нѣмецкаго языка своими познаніями, я заговорилъ съ нимъ на его языкѣ, но не успѣлъ произнести нѣсколькихъ словъ, какъ услышалъ грозные возгласы товарищей: «колбасникъ». Не обращая вниманія на это слово и не зная даже, къ кому оно относится—ко мнѣ или къ учителю—я продолжалъ разговаривать. Вдругъ двѣ огромныя чернильныя жвачки (*) влѣпились въ меня: одна въ щеку, а другая въ бѣлый воротникъ моей рубашки (я тогда былъ еще въ собственномъ платѣ). Послѣ класса, мнѣ объявили, что я не колбасникъ, а Русскій, и что если я еще разъ заговорю по нѣмецки, то будетъ худо. На бѣду мою, вскорѣ, тотъ же учитель обратился ко мнѣ съ вопросомъ на своемъ языкѣ. Я, забывъ всѣ угрозы и считая невѣжливымъ не отвѣчать ему, сказалъ нѣсколько словъ по нѣмецки, за что послѣ класса былъ побитъ товарищами весьма больно, и долженъ былъ дать имъ честное слово не только никогда не говорить по нѣмецки, но и стараться совершенно забыть этотъ языкъ, что и исполнилъ почти въ точности: къ выпуску, я хотя и могъ понимать прочитанное, съ помощію лексикона, но говорить уже затруднялся. Несмотря на то, я во всѣхъ классахъ былъ всегда изъ первыхъ по этому предмету, ибо выговоръ остался все-таки правильнымъ и познанія мои, при всемъ нежеланіи выказать ихъ, далеко превышали познанія прочихъ товарищей.

Долгомъ считаю предупредить читателей не ожидать отъ моего разсказа строгой послѣдовательности: я пишу не романъ и не исторію, а воспоминанія, которыя будутъ помѣщаться въ томъ порядкѣ, въ какомъ будутъ приходить мнѣ на память. Не надо забывать, что прошло около сорока лѣтъ, и потому я не столько забочусь о послѣдовательности разсказа, сколько объ истинѣ словъ моихъ и вѣрности событій, за которыя смѣло могу ручаться.

Классы раздѣлялись, въ то время, на два разряда: по математикѣ и по языкамъ, такъ что можно было находиться по языкамъ (разумѣется, иностраннымъ) въ одномъ классѣ, а по математикѣ и прочимъ предметамъ—двумя и тремя классами выше или ниже. Эта мѣра была весьма благоразумна: она не задер-

(*) Чернильная жвачка — жеваная бумага, обмокнутая въ чернила.
Т. XX. Отд. II.

живала тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые, будучи слабы по одному отдѣлу, оказывали большіе успѣхи въ другомъ. Въ то время, не всѣ предметы считались одинаково важными: болѣе обращено было вниманіе на математику, военныя науки и русскій языкъ; на прочіе предметы смотрѣли сквозь пальцы, а иностранныя языки были совершенно въ пренебреженіи: если кто читалъ хорошо, имѣлъ порядочное произношеніе и могъ перевести съ помощію учителя нѣсколько строкъ изъ того, что проходили въ продолженіе года, тотъ былъ экстра-профессоромъ. Это происходило, вѣроятно, оттого, что математика и военныя предметы преподаваемы были преимущественно баталіоннымъ командиромъ, шефами ротъ (*), ротными командирами и офицерами, которые имѣли большое вліяніе на будущность кадетъ, и мы, будучи отъ нихъ въ полной зависимости, находились въ постоянномъ страхѣ, зная, что каждый изъ офицеровъ могъ наказывать насъ какъ ему было угодно. Въ то время, тѣлесное наказаніе и собственноручная расправа были въ большомъ употребленіи, и не только баталіонныя и ротныя командиры имѣли право наказывать тѣлесно, но, за отсутствіемъ ротнаго командира въ отпускъ, или даже и въ гости, старшій офицеръ, принявъ бразды правленія, ознаменовывалъ его тѣмъ, что двухъ или трехъ сѣкъ на славу. А въ классѣ не разъ случалось, за невыводъ какой нибудь формулы, получать такой ударъ мѣломъ въ голову, что вскочившая шишка долго напоминала незнаніе урока; нѣкоторые же изъ офицеровъ простирали свою дерзость до того, что безъ церемоніи награждали воспитанника одной или двумя полновѣсными пощечинами. Я помню одного учителя ариѳметики, поручика А.....ва, который имѣлъ особую методу подсказывать рѣшеніе задачъ и объявлялъ это заблаговременно для общаго свѣдѣнія, а именно: если стукнетъ одинъ разъ мѣломъ въ голову, это означало сложеніе, если два раза—вычитаніе, три—умноженіе, а четыре—дѣленіе, и потому если воспитанникъ, при рѣшеніи вопроса, задумывался, то, получивъ три удара въ голову, не затруднялся отвѣтить, что надобно умножить.

(*) Въ то время, кромѣ ротныхъ командировъ, капитановъ или штабсъ-капитановъ, были еще шефы ротъ, штабъ-офицеры, которые имѣли и другія обязанности, какъ-то: баталіоннаго командира, младшаго штабъ-офицера, смотрителя за швальней и лазаретомъ, и всѣ они дежурили по корпусу.

Въ то время, наказывали не по отечески, для стыда и острастки. Это считалось несвойственнымъ для воспитанниковъ старшихъ ротъ: гренадерской и 1-й мушкетерской (нынѣ роты Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и 4-я). Въ особенности отличался этимъ баталіонный командиръ, полковникъ А. И. К...ъ: онъ говорилъ, что стыдно гренадеру дать менѣе 100 ударовъ, несмотря на то, что гренадерская рота составлена была изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. Воспитанники же большихъ ротъ, съ своей стороны, считали стыдомъ кричать подъ розгами, принимая для этого различныя мѣры, какъ-то: закрывали губу или клали въ ротъ палецъ и кусали его иногда до крови.

Странное дѣло! корпусные офицеры были, въ то время, болѣе или менѣе люди образованные, ибо всѣ поступали въ корпусъ не иначе, какъ изъ артиллеріи и изъ саперъ, и, притомъ, изъ лучшихъ воспитанниковъ своего корпуса. Исправлявшій должность директора корпуса, генераль-маіоръ А. И. Маркевичъ, былъ человѣкъ почтенный, глубоко ученый и вполне достойный уваженія. Отчего же происходило такое дикое понятіе о воспитаніи? Отъ огрубѣлости чувствъ, отъ ложнаго понятія о долгѣ чести и собственномъ достоинствѣ, и потому не мудро, что духъ тогдашняго времени имѣлъ сильное вліяніе на все окружающее; а можетъ быть и оттого, что не было строгаго надзора высшаго начальства. Главнымъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ былъ тогда блаженный памяти Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, а директоромъ нашего корпуса числился генераль Курута, которые, живя въ Варшавѣ, не могли знать всѣхъ подробностей о воспитаніи, получая только рапорты и годовые отчеты, составленные, натурально, по формѣ, которая скрывала всю истину. Главный директоръ корпусовъ, генераль П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, весьма рѣдко посѣщалъ корпусъ и то обращалъ вниманіе болѣе на внѣшность; завѣдывавшій же корпусомъ, генераль Маркевичъ (*), будучи постоянно занятъ учеными трудами, мало обращалъ вниманія на бытъ воспитанниковъ, и, сколько мнѣ помнится, онъ, кажется, никогда не ходилъ по ро-

(*). Далѣе я буду называть генерала Маркевича директоромъ, ибо генераль Курута только числился въ этомъ званіи и мы никогда не видали его, а всѣ считали Маркевича настоящимъ директоромъ.

тамъ, а классы посѣщаль три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, и то въ опредѣленное время, именно: во вторую утреннюю лекцію; слѣдовательно, еслибъ гдѣ и происходилъ безпорядокъ, то къ этому времени можно было приготовиться и выказаться въ лучшемъ видѣ. Онъ до такой степени мало зналъ кадетъ, что когда однажды учитель механики, въ выпускномъ классѣ, представилъ ему четырехъ воспитанниковъ, особенно съ любознательностію занимавшихся этимъ предметомъ, онъ спросилъ ихъ фамиліи, несмотря на то, что они были лучшіе воспитанники въ корпусѣ и каждый два года былъ уже унтеръ-офицеромъ.

Что же касается до иностранныхъ языковъ, то нельзя и удивляться, что они были въ совершенномъ упадкѣ, ибо учителя набирались *«числомъ поболье, цѣною подешевле»*. Это были люди большею частію необразованные, знавшіе только свой отечественный языкъ. Они разными, несвойственными ихъ званію, поступками и неумѣньемъ прилично держать себя не внушали къ себѣ никакого уваженія, за что и подвергались не только насмѣшкамъ, но часто и такимъ продѣлкамъ, что даже жалко было смотрѣть на ихъ униженіе; но они позволяли все, лишь бы не лишиться мѣста, а съ нимъ и куска хлѣба. Конечно, были и между ними исключенія, но рѣдко, и потому послѣдніе блистали какъ золото въ грязи. На первомъ планѣ стояли: учитель французскаго языка Г. С. Ладанъ и нѣмецкаго И. И. Вернеръ; за то и пользовались они особеннымъ уваженіемъ кадетъ, и воспитанники, при всеобщей огрубѣлости и ложномъ понятіи, все-таки умѣли отличить и оцѣнить ихъ.

Метода преподаванія иностранныхъ языковъ въ младшихъ классахъ состояла въ слѣдующемъ: ставили посреди класса большую картину съ различными изображеніями; учитель, вооруженный нарочно для того заготовленною палкою, показывалъ различные предметы на картинѣ и дѣлалъ на своемъ языкѣ вопросы, а воспитанники хоромъ должны были отвѣчать на томъ же языкѣ; напримѣръ: «Что это?» — «Домъ.» — «Кто сидитъ возлѣ дома на скамьѣ?» — «Старикъ.» — «Что онъ дѣлаетъ?» — «Плететъ лапти.» — «А его внукъ?» — «Спускаетъ змѣй», и т. п. Это дѣлалось обыкновенно такъ: впереди становились знающіе урокъ лучше прочихъ, остальные помѣщались позади, и передніе отвѣчали громко, почти вскрикивая, а задніе

разѣвали рты и шевелили губами, и учитель оставался доволенъ.

Въ среднихъ классахъ, занимались переводами эзоповыхъ басень и легкихъ анекдотовъ. Этому горю пособляли слѣдующимъ образомъ: выучивали нѣсколько страницъ съ начала книги, а къ экзамену приготавливали книгу, составленную изъ первыхъ листовъ, которые вырывались изъ всѣхъ книгъ, и переплетали въ одну, такого же формата и переплета, какъ и прочія казенныя книги. Эта книга подавалась экзаменатору, и онъ, раскрывая ее въ произвольномъ мѣстѣ, давалъ воспитаннику прочесть и перевести. Конечно, каждому встрѣчались знакомыя страницы, и экзамень оканчивался благополучно. Учитель хотя и зналъ заранее эту продѣлку, но молчалъ и былъ весьма доволенъ хорошимъ результатомъ.

Спросять, можетъ быть: что же дѣлали во время лекцій? На это отвѣчу, что мы не сидѣли безъ дѣла: одни занимались математическими вычисленіями или военными науками, другіе черченіемъ артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ плановъ, которыми, въ то время, щеголяли, и отдѣлка ихъ была изящна; третьи играли въ шашки, шахматы, а иногда и въ карты; если же учитель былъ балагуръ, то онъ рассказывалъ различныя новости или забавныя анекдоты, разумѣется, не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, большею частію весьма ломаномъ, что также немало смѣшило кадетъ. Иногда даже отчищали краги или сапоги, а передъ смотромъ чистили гербы, чешуи и части ружей. Для предосторожности же, чтобы не попасть врасплохъ, одинъ изъ воспитанниковъ стоялъ у дверей насторожѣ, а прочіе держали на столѣ раскрытыя книги, и лишь только сторожевой возвѣщалъ о приближеніи инспектора или дежурнаго по корпусу, какъ одинъ изъ воспитанниковъ вставалъ и читалъ громко, а прочіе сидѣли уткнувши носы въ книги и слѣдили за чтеніемъ.

При этомъ невольно приходятъ на память множество разныхъ забавныхъ сценъ и непростительныхъ шалостей кадетъ, доходившихъ иногда до дерзости. Упомяну только о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Напримѣръ: былъ у насъ учитель нѣмецкаго языка С.....мъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе по утру закусывать. Это было бы еще ничего; но закуску приносила ему въ классы дѣвочка лѣтъ 10 или 11. Онъ называлъ ее своею дочкою. Закуска

ставилась за классною доскою и состояла изъ водки, колбасы, буттербродовъ и непремѣнно изъ готоваго уже кофе. Закусивъ, онъ обыкновенно садился вздремнуть, прося кадетъ разбудить его въ случаѣ прихода начальства; но не всегда этотъ кейфъ проходилъ для него благополучно: иногда кто нибудь изъ шулуновъ пускалъ ему въ носъ гусара (*), или, еще хуже того, на лысину его клали мелко нарѣзанныя бумажки и зажигали ихъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ вскакивалъ, бранился по нѣмецки и по русски, но жаловаться не смѣлъ, ибо кадеты страшили его своею жалобою начальству, что онъ, вмѣсто того, чтобы учить ихъ, только закусываетъ и спитъ въ классѣ.

Другой былъ у насъ учитель нѣмецкаго языка, Гр.....нъ, вѣроятно, человекъ очень бѣдный, ибо приходилъ въ классъ одѣтый крайне неопрятно: иногда съ разорванными локтями, а иногда въ сапогахъ, изъ которыхъ выглядывали пальцы. Кадеты, подъ предлогомъ избавить его отъ замѣчаній начальства, предлагали свои услуги: почистить платье, зашить фракъ, починить и отчистить сапоги, и онъ принималъ это съ благодарностію, но часто платилъ за то дорого: зашивая фракъ, его укалывали иглой такъ, что онъ вскрикивалъ, или, взявъ отчищать сапоги, закидывали ихъ на печь и заставляли самого доставать ихъ. Когда же онъ взлѣзалъ по подставленнымъ табуретамъ и хватался за карнизъ печи, то выдергивали табуреты и, оставляя его въ висячемъ положеніи, предлагали ему различныя условія, на которыя онъ поневолѣ долженъ былъ соглашаться, и тогда снимали его.

Однажды, съ однимъ изъ учителей — не помню, съ какимъ именно — случилось слѣдующее происшествіе: когда сапоги его были взяты для чистки, входитъ сержантъ (**), предвѣстникъ прихода въ классъ директора; вдругъ оба сапога летятъ на печку. Учитель-бѣдняжка поблѣднѣлъ и присѣлъ за каедрой, что-

(*) *Гусаромъ* называлась скрученная бумажка, обваленная въ нюхательномъ табакѣ, въ которомъ никогда не было недостатка, ибо очень многіе, особенно старыя кадеты, долгомъ считали нюхать табакъ и держали его или въ тавлинкѣ, или просто въ бумажкѣ за голенищемъ сапога.

(**) *Сержантомъ* назывался дежурный по корпусу унтеръ-офицеръ. Обязанность его была состоять по особымъ порученіямъ при дежурномъ по корпусу штабъ-офицерѣ и, во время обхода директора по классамъ, идти впереди его и, отворяя дверь въ слѣдующемъ классѣ, возвѣщать тѣмъ о его приходѣ. Сержанты получали, во время своего дежурства, двойную порцію за обѣдомъ и ужиномъ и, кромѣ того, имѣли право требовать изъ кухни все, что имъ было угодно.

бы не были видны ноги. На его счастье, директоръ, вѣроятно, былъ занятъ, въ это время, вычисленіемъ удѣльнаго вѣса или состава артиллерійскаго металла (*), а потому не обратилъ вниманія на грязныя ноги учителя и, только взглянувъ, вышелъ изъ класса.

Были и такіе учителя, которые собирали съ кадетъ дань мѣдными пуговицами, говоря, что это годится на самоваръ, или булками, которыя, нимало не конфузясь, увязывали въ платки.

Однако, довольно объ этомъ. Я могъ бы привести десятки подобныхъ сценъ, но боюсь надоѣсть читателямъ, и, притомъ, грустно и прискорбно вспоминать о невѣжествѣ и дикихъ понятіяхъ своихъ товарищей, не считавшихъ грѣхомъ глумиться надъ бѣдными тружениками, своими наставниками.

Въ то время, не было у насъ ни печатныхъ руководствъ (исключая артиллеріи Маркевича), ни литографированныхъ записокъ; мы все должны были переписывать или съ листовъ, даваемыхъ преподавателями, или подъ диктовку учителя. На это терялось весьма много времени и требовалось чрезвычайно много бумаги, которую хотя и отпускали изъ казны, но большая часть воспитанниковъ не видали ея, ибо въ каждомъ классѣ была партія старыхъ кадетъ, которыхъ остальные боялись и не смѣли противорѣчить имъ: эти-то старые кадеты принимали бумагу и перья и только извѣщали прочихъ, что по такому-то предмету бумага принята. Это означало, что никто не смѣетъ по этому предмету отговариваться неимѣніемъ бумаги,—и никто не отговаривался, а запасался ею какъ самъ знаетъ: или приносилъ изъ дому, если имѣлъ родителей, или покупалъ, если имѣлъ деньги; а тѣ бѣдняжки, которые не имѣли ни того, ни другаго, вымѣнивали ее на утреннія булки или на пироги и пышки за обѣдомъ. Принявшіе же бумагу брали себѣ необходимое, а остальное отсылали въ лавку—промѣнять на съѣстное или на табакъ.

Нужда научить многому. Дѣйствительно, нужда, въ то время, развила въ воспитанникахъ практичность и опытность, а цѣлоторыхъ сдѣлала аферистами въ высшей степени. Были такіе, которые не только умѣли чинить платье и сапоги, но выворачивали

(*) Генералъ Маркевичъ, кромѣ многихъ ученыхъ трудовъ, замѣчательнъ составленіемъ руководства къ артиллерійскому искусству, въ двухъ огромныхъ томахъ.

вали и даже шили новые мундиры и брюки, и каждую вещь изъ аммуниціи переправляли и передѣлывали по своему вкусу.

Многіе изъ воспитанниковъ, въ особенности старые кадеты, имѣли собственные столы съ глубокими ящиками, огромными замками и секретами. Въ нихъ-то они хранили все свое богатство. Къ нимъ всякій имѣлъ право обращаться съ просьбою: они, за извѣстную плату деньгами или съѣстными припасами, чинили платье и сапоги, давали напрокатъ мундиры, шинели (*) и прочія аммуничныя принадлежности, отчищали краги, бѣлили аммуницію и пособляли нуждающимся во всемъ, разумѣется, кромѣ наукъ, которыя они ненавидѣли, и потому были отъявленные лѣнтяи, но за то большею частію хорошіе строевики и поддержка фронта, почему многія продѣлки ихъ сходили имъ съ рукъ, ибо ихъ боялись даже и офицеры.

Но положимъ, что отпускъ былъ не необходимостью, а прихоть, и потому по собственной волѣ каждый хлопоталъ объ этомъ; сапоги же — вещь, необходимая для ежедневнаго употребленія, но и о нихъ мало заботилось начальство. Я испыталъ это на себѣ: будучи четыре года въ 3-й мушкетерской ротѣ, я и не видалъ казенныхъ сапоговъ; но какъ я имѣлъ возможность имѣть собственные, то и не былъ ни разу за нихъ наказанъ. Въ то время, командиромъ нашей роты былъ капитанъ А. М. С.....ло, а ротнымъ каптенармусомъ замѣчательная, по своей толстотѣ, личность, И....въ. Не знаю, кому изъ нихъ принадлежалъ доходъ отъ сапоговъ, но только раздача ихъ производилась забавнымъ образомъ: въ извѣстное время года, раза два или три, рано утромъ, до повѣстки, когда всѣ почти еще спятъ, идетъ И....въ по каморамъ и, бросивъ по срединѣ каморы нѣсколько сапоговъ, не по числу воспитанниковъ, а несравненно меньше, иногда даже нечетное число, громко восклицаетъ:

(*) Прежде мундиръ полагался на годъ. Конечно, пока онъ былъ новый, то никто не нуждался доставать у другаго; когда же, постепенно старѣя, мундиръ покрывался заплатами, къ концу года трехъ-ярусными, галуны обтирались и даже совѣмъ обрывались, то въ отпускъ въ такихъ мундирахъ не увольняли; а потому, кто не имѣлъ собственного, долженъ былъ платить, иногда довольно дорого, чтобы достать напрокатъ, или, по крайней мѣрѣ, *осмотрѣться*, что значило показаться ротному командиру, и, получивъ билетъ, снять мундиръ и отдать его обратно владѣльцу, а свой оборванный надѣть и въ немъ идти въ отпускъ. Иногда, такимъ способомъ, одинъ и тотъ же мундиръ, въ продолженіе часа, былъ на плечахъ многихъ. Шинелей же казенныхъ не полагалось совѣмъ, а безъ нихъ не отпускали въ отпускъ.

«господа! новые сапоги». Тогда тѣ, которые проснутся въ это время, вскаквиваютъ и нарасхватъ подбираютъ сапоги, сколько кто схватитъ: одинъ три, другой одинъ, а третій и ни одного; остальные, просыпаясь, узнаютъ о раздачѣ сапоговъ, и никто не смѣетъ роптать, не смѣетъ подуматъ о жалобѣ. Проходятъ недѣли три; наконецъ, въ одно дежурство, капитанъ нашъ объявляетъ передъ ротой, что три недѣли тому назадъ были розданы новые сапоги, что времени было довольно ихъ пригнать и отчистить и что въ слѣдующее дежурство онъ будетъ осматривать, а у кого не будутъ сапоги въ исправности, съ тѣмъ послѣдуетъ извѣстная раздѣлка. — «А ты, И...въ—говоритъ онъ — приготовь розогъ и прочія принадлежности». И дѣйствительно: въ слѣдующее дежурство, сапоги осматриваются и почти у всѣхъ оказываются въ исправности. Конечно, осмотръ былъ довольно снисходительный; если же кто попадался, то не принималось никакихъ отговорокъ. За то сколько надобно было практическаго ума, сколько хлопотъ и заботъ, чтобы сдумѣть вымѣнять, починить, замазать, отчистить или достать «осмотрѣться»,—однимъ словомъ, чтобы *продать товаръ лицомъ*. Черезъ недѣлю сапоги могутъ быть опять разорваны и съ заплатой — это ничего: они уже были осматрѣны, они уже не новые.

Иголокъ, нитокъ, мыла, ваксы мы и не видали; только разъ въ недѣлю, по субботамъ, пока мы еще спали, смазывали сапоги казенной ваксой, которая, впрочемъ, была только по названію вакса и не давала почти никакого глянца.

Такъ бѣдовали мы въ былое время, но, несмотря на то, не только не роптали вслухъ, но и въ душѣ не было никакого озлобленія на начальство. Казалось, что такъ должно быть, что иначе и быть не можетъ, что такъ дѣлалось и прошлый годъ, отчего же не быть этому и въ настоящемъ году; къ тому же, преданіе гласило, что прежде было хуже: значитъ, на что же жаловаться? Да и кому было жаловаться? Въ ротѣ самую важную роль игралъ фельдфебель: онъ былъ хозяинъ и властелинъ, въ полномъ смыслѣ; если, бывало, идетъ по каморамъ фельдфебель, то на всѣхъ находить страхъ: онъ имѣлъ право (кромѣ тѣлеснаго наказанія) наказывать кадетъ какъ ему было угодно: могъ оставлять всю роту безъ обѣда или ужина, не увольнять въ отпускъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и т. п. Каждый изъ фельдфебелей, при полученіи этого званія,

обзаводился ременной плеткой; иногда въ конецъ ея вплеталась пулька. Достоинство подобной плетки хорошо знали наши спины и плечи, ибо она была неразлучной спутницей фельдфебеля. Послѣ того не удивительно, что мы боялись фельдфебеля больше ротнаго командира и несравненно болѣе каждаго изъ офицеровъ: онъ былъ всегда въ ротѣ, офицеровъ же мы видали рѣдко: хотя они, и дежурили по ротѣ, но дежурство состояло только въ формѣ, значилось только въ корпусномъ приказѣ и въ дневномъ рапортѣ, въ сущности же нѣкоторые дежурные являлись только къ столу, а въ классы почти всегда отводилъ насъ фельдфебель. Ротнаго командира мы тоже видали мимоходомъ, во время дежурства, на ротномъ ученьи и по субботамъ, во время экзекуцій (*) и отпуска; въ послѣднемъ случаѣ, онъ часто не приходилъ въ роту, а желавшіе идти въ отпускъ отправлялись съ родственниками или провожатыми къ нему на квартиру, гдѣ онъ осматривалъ ихъ и подписывалъ билеты.

Эта-то нужда и горе связали кадетъ такую тѣсною дружбою, что, несмотря ни на какое строгое наказаніе, не бывало примѣровъ, чтобы кто нибудь выдалъ своего товарища, а тѣмъ болѣе, чтобы самъ сдѣлалъ доносъ на другаго. Подобная дружба продолжалась и по выходѣ изъ корпуса: не разъ случалось видѣть, что воспитанники не только одного выпуска, но нѣсколькими годами раньше или позже, встрѣчались какъ родные братья. Къ начальникамъ своимъ и мѣсту воспитанія не питали они въ душѣ никакого озлобленія; напротивъ, всякій, по пріѣздѣ въ Петербургъ, первымъ долгомъ считалъ посѣтить корпусъ и съ радостію встрѣчалъ каждаго учителя и офицера, а при

(*) Прежде балловъ за уроки не ставили ежедневно въ журналѣ, а за явную лѣность и разныя шалости поступающія жалобы записывались и откладывались до субботы, и въ этотъ день была расправа, состоявшая не въ выговорѣ или замѣчаніи, а преимущественно въ тѣлесномъ наказаніи.

Если же во время классовъ приносилась на воспитанника жалоба дежурному по корпусу, то онъ ставилъ виновнаго у дежурной комнаты. Иногда набиралось такихъ довольно много. Дежурный, не зная ихъ фамилій, помнилъ только число ихъ и, по окончаніи классовъ, требовалъ розогъ и наказывалъ по своему усмотрѣнію. Въ такомъ случаѣ, можно было иногда отдѣлываться отъ наказанія, ибо были личности, которыя за извѣстную плату, по обоюдному условію, предлагали свои услуги и становились къ дежурной комнатѣ вмѣсто виновнаго. Дежурный по корпусу, сосчитавъ и удостовѣрившись, что число виновныхъ въ полномъ комплектѣ, командовалъ: «направо, маршъ», и по очереди съ перваго до послѣдняго раскладывалъ на скамейку; если же дежурный зналъ кого лично, тому пережмнись-ся было уже невозможно.

выпускѣ изъ корпуса проливалъ много непритворныхъ слезъ, при прощаньи съ товарищами и съ начальниками. Это весьма понятно: воспитанники того времени не были вовсе избалованы поощреніями за успѣхи въ наукахъ и за поведеніе; каждый учился не для награды, а сознавая собственную свою пользу и, находясь постоянно, такъ сказать, въ черномъ гѣлѣ, мы дорого цѣнили каждое ласковое слово, каждое малѣйшее снисхожденіе, и прежнія оскорбленія и наказанія забывались, окупаясь однимъ этимъ словомъ, однимъ ласковымъ привѣтомъ.

Кормили насъ хотя и не совѣтъ хорошо и, по выраженію кадетъ, «*досыта не накормятъ, съ голода не уморятъ*», однако, мы не очень голодали. Правда, не разъ попадались въ супѣ и въ щахъ тараканы и червяки, а масло имѣло запахъ свѣчнаго сала; но въ такой массѣ трудно требовать постоянной чистоты и аккуратности, и потому мы мало роптали на это и вознаграждали качество количествомъ. Когда же за обѣдомъ или ужиномъ подавали гречневую крутую кашу или вареный картофель, то мы считали этотъ день праздникомъ и наѣдались досыта и за вчерашній день, и на завтрашній.

Самое трудное время было до обѣда, ибо, съѣвши въ 6 часовъ небольшую булку, можно было отошать до 12; вечеромъ же, послѣ классовъ, приходили вольные сбитеньщики, которымъ было отведено особое мѣсто въ холодномъ корридорѣ (подъ столовой залой), и всѣ имѣющіе деньги стремились къ нимъ, чтобы выпить горячаго сбитню съ вкуснымъ и мягкимъ пеклеваннымъ хлѣбомъ.

Вообще, въ то время, покупка съѣстнаго была въ большомъ употребленіи; но это могли позволять себѣ только люди съ деньгами, а прочіе съ завистію смотрѣли на нихъ и, глотая слюнки, облизывались, или иногда пользовались милостями первыхъ.

Въ зимнее время, когда топились въ ротахъ печи, то, по воскресеньямъ, оставшіеся въ корпусѣ кадеты давали себѣ пиръ, состоящій въ томъ, что съ вечера посылали за картофелемъ, кислой капустой, говядиной, гречневой крупой и масломъ, и рано утромъ, часа въ четыре, начиналась стряпня: варили щи и кашу, пекли и жарили картофель, потомъ артелью садились въ кружокъ и до утренней повѣстки пировали съ такимъ наслажденіемъ и аппетитомъ, какъ будто обѣдали за самымъ рос-

кошнымъ и изысканнымъ столомъ. Дѣлали иногда и мороженое; но это было также не иначе, какъ зимою: для этого выжимали въ ведро черезъ простыню клюкву, размѣшивали сокъ съ патокой, потомъ клали туда необходимое количество снѣга,—и мороженое было готово. Я увѣренъ, что, при одномъ чтеніи, другому сдѣлается дурно; а посмотрѣлъ бы онъ, съ какимъ аппетитомъ мы опоражнвали ведро, за неимѣніемъ ложекъ, безъ церемоніи, руками. Въ великій постъ, посылали за рѣдкой, хрѣномъ, селедкой, постнымъ масломъ и солеными огурцами, и изъ этого приготавливали очень вкусный винегретъ, при чемъ надо отдать справедливость, что почти всегда дѣлились съ немущими товарищами, которые старались за это быть чѣмъ нибудь полезными, чтобы не оставаться въ долгу.

Я часто упоминалъ о старыхъ кадетахъ, и потому необходимо описать эти личности. Старымъ кадетомъ назывался не тотъ, который долѣе другихъ былъ въ корпусѣ: иной, пробывъ девять лѣтъ и болѣе, не пользовался этимъ титуломъ, а другой чрезъ три или четыре года уже достигалъ его. Для полученія этого званія, надобно было заслужить авторитетъ отъ общаго мнѣнія массы и имѣть, притомъ, многое, чего не доставало другимъ. Старый кадетъ долженъ былъ обладать физическою силою, быть до того огрубѣлымъ и очерствѣлымъ существомъ, чтобы ни слова, ни розги не могли выжать изъ него слезинки, долженъ былъ хладнокровно и совершенно равнодушно переносить всѣ замѣчанія и наказанія и во время жестокихъ экзекуцій не издавать ни одного звука. Старые кадеты ходили обыкновенно раскачиваясь изъ стороны въ сторону (*), сильно размахивая руками, сжатыми въ кулаки, такъ что всѣ встрѣчающіеся съ ними должны были давать имъ дорогу, ибо они громко предупреждали каждаго словомъ *расшибу*. Они говорили постоянно басомъ, съ начальниками и учителями были грубы и даже дерзки, учились обыкновенно дурно, или, лучше сказать, вовсе не учились, сидя въ одномъ классѣ по четыре и по пяти лѣтъ. Одеждой тоже они отличали себя отъ прочихъ: сапоги

(*) Многие изъ нихъ старались сгибать ноги колесомъ; для этого, при ходьбѣ, упирались болѣе на мизинцы ступней, или распаривали въ банѣ колѣни и между ними ставили шайки. Впрочемъ, о послѣднемъ средствѣ я только слышала отъ другихъ, но очевидно не былъ, и потому не могу утверждать.

носили на высокихъ каблукахъ и со скрипомъ, брюки (*) перешивали книзу шире и съ раструбомъ, начиная отъ колѣна; мундиръ имѣли обыкновенно широкій и всегда разстегнутый почти на всѣ пуговицы; изъ-подъ мундира торчала рубашка. Всѣ старые кадеты непремѣнно нюхали табакъ и часто бывали пьяными, особенно въ воскресенье вечеромъ, по приходѣ воспитанниковъ изъ отпуска, откуда приносили спиртные напитки или сами, или, по приказанію ихъ, другіе.

Въ классѣ сидѣли они обыкновенно на задней скамейкѣ, во время лекцій спали, положивъ локти на столъ и уткнувъ голову въ скамейку, или же играли въ шашки, а иногда и въ карты. Большая часть учителей оставляли ихъ въ покоѣ, потому что былъ бы напрасный трудъ тревожить ихъ: пользы отъ этого не было никакой, а можно было встрѣтить непріятность и даже дерзость.

Старые кадеты имѣли сильное вліяніе на прочихъ воспитанниковъ и если приказывали къ такому-то уроку не готовиться или не учить такого-то отдѣла, то никто не осмѣливался учить, а если кто и зналъ даже очень хорошо этотъ урокъ, то все-таки не смѣлъ отвѣчать и лучше рѣшался потерять въ мѣнѣи учителя и быть наказанъ, нежели подпасть подъ опалу стараго кадета—атамана класса.

Но за то взглянули бы вы на нихъ въ строѣ, на ученьяхъ и на смотрахъ: тамъ они являлись молодцами: ни у кого не было лучше отчищенныхъ сапоговъ, выбѣленной и съ глянцемъ аммуниціи, ружье было отчищено на славу, приемы дѣлались съ такимъ темпомъ, что ружья трещали и нерѣдко ломались приклады; если же, на ротномъ или баталіонномъ ученьи, они были недовольны командиромъ, то стоило имъ только сказать слово, и вся рота или баталіонъ приемы дѣлали дурно, неровно, при маршировкѣ была качка, не было равенія. Командиры выходили изъ себя и кончали тѣмъ, что распускали съ ученья; между тѣмъ, смотръ приближался, и, боясь, чтобы онъ не кончился дурно, командиры поневолѣ задобрявали этихъ атамановъ, и дѣло опять шло какъ нельзя лучше.

Да! это было такое нравственное зло для корпуса, что служило помѣхою многому хорошему, портило добрыхъ и кроткихъ

(*) Въ 1826 году краги были отгѣнены.

юношей, которые, по слабости характера, не могли противостоять, заражались сами тлетворнымъ ядомъ и совершенно погибали.

Въ то время, воспитанниковъ увольняли въ отпускъ не иначе, какъ съ провожатыми, кто бы они ни были: младшій братъ или сестра, лакей или горничная, кучеръ или кухарка, все равно, лишь бы былъ провожатый, безъ котораго воспитанники не могли ходить по улицѣ; нерѣдко можно было встрѣтить кадета большаго роста и съ нимъ дѣвочку, лѣтъ двѣнадцати, и никто изъ начальства не остановитъ его: онъ съ провожатымъ.

Въ каникулярное время (*) 1823 года, послѣдовалъ корпусный приказъ, чтобы отпускать въ отпускъ не иначе, какъ съ близкими родственниками, и, притомъ, кто приходитъ за воспитанникомъ, тотъ долженъ и доставлять его обратно. Это, конечно, было весьма стѣснительно какъ для кадетъ, такъ еще болѣе для родственниковъ. Немудрено, что подобный приказъ озлобилъ воспитанниковъ, и они рѣшились на непростительную шалость.

Въ первую субботу послѣ приказа, были разбросаны по двору записки, въ которыхъ было сказано, чтобы никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не смѣлъ идти въ отпускъ—иначе, будетъ раскаяваться—а завтра, послѣ утренней зори, выходить всѣмъ на внутренній плацъ корпуса и бить стекла, что и было въ точности исполнено: битье стеколъ продолжалось цѣлый день, и разбиты были почти всѣ стекла въ корпусномъ строеніи. Ни дежурный по корпусу штабъ-офицеръ, ни дежурные по ротамъ офицеры не могли унять волненіе общей массы, да, признаться, и не унимали, а каждый изъ нихъ, по чувству самосохраненія, заботился только о личной безопасности. Шумъ и беспорядокъ продолжались и за обѣдомъ, и за ужиномъ; на другой день всѣ воспитанники были на плацу съ самаго утра и занимались

(*) Прежде кадеты не стояли лѣтомъ въ лагерѣ, а во время поправки зданія корпуса роты помѣщались одна въ корпусномъ манежѣ, а другія въ холодномъ корридорѣ, подъ столовой залой (теперь не существуетъ уже этого корридора: онъ обращенъ въ квартиры офицеровъ). Гулять выпускали воспитанниковъ только на внутренній плацъ корпуса и одинъ разъ въ годъ въ корпусный садъ: это было 21 мая, въ день тезоименитства главнаго начальника, блаженныя памяти Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича. Тогда играла въ саду корпусная музыка и кадетамъ раздавали черносливъ, изюмъ и яблоки; но пользовались этимъ угощеніемъ за всѣхъ только фельдфебелъ, унтеръ-офицеры и очень немногіе изъ кадетъ, и то состоявшіе подъ особенной протекціей старшихъ.

повтореніемъ вчерашняго, добывая остальныя стекла въ нѣкоторыхъ рамахъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не явился въ корпусъ баталіонный командиръ, полковникъ К...гъ. Онъ, будучи умнѣе и находчивѣе другихъ штабъ-офицеровъ, употребилъ слѣдующія мѣры: распустилъ слухъ, что пріѣхалъ въ корпусъ главный директоръ (*), что теперь одно средство загладить вину свою: это—показать себя молодцами предъ его высокопревосходительствомъ, и потому: «ступайте, друзья мои, въ роты—сказалъ онъ вкрадчивымъ и ласковымъ голосомъ—пообчиститесь и выровняйтесь по кроватямъ. Павелъ Васильевичъ добръ и, вѣроятно, проститъ вашу шалость». Мы повѣрили, опрометью бросились въ роты и принялись за туалетъ и равеніе, а въ это время всѣ двери въ ротахъ замкнули и поставили снаружи часовыхъ. Тутъ мы увидѣли, что попали въ западню; но уже было поздно.

Начался допросъ: въ сборной залѣ 1-й мушкетерской роты приготовлены были орудія, наводящія страхъ на воспитанниковъ, въ особенности младшихъ ротъ: тутъ были цѣлыя груды розогъ, скамейки, простыни, укусы, каптенармусы и служители. Туда-то приводили поодиначкѣ кадетъ разныхъ возрастовъ, допрашивали ихъ, сначала увѣщевая, потомъ страшая, а наконецъ и пытая. Всѣ показанія записывались и сличались. Одинъ выдавалъ невольно другаго, другой—третьяго. Часто показанія были и ложны, ибо иной со страху, въ особенности новичекъ, наговорить десятки фамилій, которыя знаетъ, лишь бы поскорѣе отдѣлаться и уйти изъ страшной залы.

Но какъ всякое происшествіе забывается, то и мы перестали уже думать о нашей шалости, не видя никакихъ послѣдствій, кромѣ вышеозначеннаго допроса, и удивляясь, что все кончилось такъ благополучно; какъ вдругъ, однажды, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, выпускаютъ насъ изъ классовъ ранѣе обыкновеннаго времени, именно послѣ первой вечерней лекціи. Мы вышли съ предчувствіемъ чего-то недобраго. На бѣду, и погода была пасмурная, вполнѣ гармонировавшая съ настроеніемъ нашего духа. Я никогда не забуду этого дня. Приходимъ въ роты; насъ строятъ. Ротный командиръ и всѣ офицеры на лицо; ожидаютъ шефа роты. Между тѣмъ, приносятъ скамейки, розги;

(*) Павелъ Васильевичъ Голенщевъ-Кутузовъ.

является каптенармусъ и съ нимъ команда служителей; приходятъ шефы ротъ со списками, перекликаютъ виновныхъ, и начинается экзекуція. Число виновныхъ было неодинаково во всѣхъ ротахъ: въ нѣкоторыхъ доходило до 40, а въ другихъ и болѣе; но всѣ, отъ перваго до послѣдняго, были наказаны тѣлесно передъ ротою, а въ гренадерской и 1-й мушкетерской ротахъ никто не получилъ менѣе 150 и даже 200 ударовъ. Кромѣ того, 4 человека были разжалованы въ рядовые и отиѣнены призы за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ какъ въ этотъ годъ, такъ и въ слѣдующіе, до 1832 года. Такъ грустно кончилась наша непростительная шалость.

Я былъ тогда еще въ резервной ротѣ, на видъ казался совершеннымъ ребенкомъ, и, не смѣя отстать отъ другихъ, только что собрался пустить первый камень въ стекло, какъ меня схватилъ за руку дежурный по корпусу подполковникъ А. П. Дюшенъ. Сдѣлавъ мнѣ отеческій выговоръ и желая избавить отъ дурныхъ послѣдствій, онъ посадилъ меня въ покойницкую комнату на хлѣбъ и на воду, гдѣ я и ночевалъ. Хотя это наказаніе сильно могло подѣйствовать на воображеніе 10-лѣтняго мальчика, въ особенности ночью, но за то спасло меня отъ тѣлеснаго наказанія, которому я могъ бы тоже подвергнуться, а главное, во время допроса, избавило меня отъ показанія на товарищѣй, имѣя возможность принести въ отговорку, что я ничего не знаю и ничего не видѣлъ, что подтвердилъ и подполковникъ Дюшенъ. Миръ праху твоему, добрый и благородный человекъ! Странно, однако, что многіе кадеты не любили его, — и за что же? за то, что онъ имѣлъ обыкновеніе усовѣщивать и дѣлать назидательныя наставленія, а не прямо, по обычаю другихъ, класть на скамейку: это многимъ не нравилось, въ особенности старымъ кадетамъ, которые обыкновенно говаривали: «вѣдь мы не барышни». Прошу покорно угодить на вкусъ воспитанниковъ тогдашняго времени!

Со вступленіемъ на престолъ въ Божѣ почившаго блаженныя памяти Государя Императора Николая I и съ назначеніемъ главнымъ директоромъ генераль-адъютанта Н. И. Демидова, бытъ воспитанниковъ измѣнился къ лучшему, какъ во внѣшнемъ отношеніи, такъ и нравственно. Государь Императоръ посѣщалъ корпуса ежегодно по одному и даже по два раза; главный директоръ пріѣзжалъ довольно часто, отчего дежурные посто-

янно находились при своих постахъ; начальство корпуса чаще навѣщало и роты и классы; пища улучшилась, одежда также, грубость и дерзость встрѣчались рѣже, боясь строгаго взыска- нія, ибо первый такой поступокъ былъ примѣрно наказанъ: именно пострадалъ кадетъ И.....въ. Я расскажу объ этомъ про- исшествіи.

Въ то время, многіе изъ кадетъ, которые лѣнились учить- ся, старались переходить въ Дворянскій полкъ (нынѣ Констан- тиновское Военное училище): тамъ было легче получить чинъ армейскаго прапорщика, потому что не требовалось большихъ познаній: начальныя дѣйствія ариѳметики и русская грамота— вотъ и все, съ чѣмъ многіе выходили въ офицеры; нужно толь- ко было быть хорошимъ строевикомъ и знать фронтную служ- бу. Но, чтобы быть переведеннымъ въ Дворянскій полкъ, надо было сдѣлать какой нибудь, выходящей изъ ряда, проступокъ: тогда обыкновенно наказывали тѣлесно и за дурное поведеніе переводили изъ корпуса. Этимъ средствомъ хотѣлъ воспользо- ваться и И.....въ: онъ придрался къ весьма образованному и почти лучшему изъ учителей нѣмецкаго языка, Б.....ну, и уда- рилъ его два раза по щекѣ; но за эту дерзость дорого онъ заплатился: вмѣсто перевода въ Дворянскій полкъ, онъ былъ наказанъ 400 ударами розогъ передъ корпусомъ и Дворянскимъ полкомъ и выписанъ въ рядовые, до отличной выслуги.

Генералъ Демидовъ умѣлъ говорить краснорѣчиво и любилъ говорить. Пріѣзжая въ корпусъ, онъ собиралъ воспитанниковъ, давалъ намъ наставленія, какъ вести себя въ обществѣ — въ осо- бенности это дѣлалось обыкновенно передъ отпусками на мас- ляницу, Рождество и Пасху — называлъ насъ всегда не иначе, какъ «*дѣтушки мои*», порицалъ грубость, невѣжество и непо- виновеніе старшимъ и строго за то взыскивалъ. Отъ этого старые кадеты начали мало по малу исчезать сами собою; ихъ начали уже чуждаться товарищи, и они, не встрѣчая въ боль- шинствѣ поддержки, поневолѣ стали приставать къ общей массѣ.

Государь Императоръ приказалъ, въ каникулярное время, во- дить кадетъ въ лагерь. Это совершенно оживило воспитанни- ковъ: многіе изъ нихъ, не имѣя къ кому ходить въ отпускъ, въ продолженіе девять и болѣе лѣтъ, не видали свѣта иначе, какъ изъ оконъ корпуса, не дышали инымъ воздухомъ, какъ на кор- пусномъ плацу, и судили о Петербургѣ только по 1-й линіи

Васильевского острова (*). Каково же было ихъ чувство, когда они прошли по широкимъ улицамъ столицы, взглянули на многое достойное вниманія, когда совершили двухдневный походъ, съ привалами и ночлегами по бивуачному, и наконецъ, когда, въ присутствіи обожаемаго Царя, вступили въ лагерь, гдѣ постоянно и Государь, и Великіе Князья были посреди ихъ, принимая участіе не только въ военныхъ эволюціяхъ, но въ играхъ ихъ и забавахъ. Мало того: Государь Императоръ ошастливилъ ихъ еще болѣе: онъ поставилъ въ ряды ихъ своего первенца, Наслѣдника престола (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора). Можно ли было послѣ этого показать себя недостойными любви и отеческаго попеченія Монарха? Конечно, это было бы и стыдно, и грѣшно.

А Высочайшіе обѣды, которые намъ даны были въ Царской Селѣ, гдѣ посреди насъ былъ Государь, съ Августѣйшею своею супругою и съ Наслѣдникомъ престола! Какъ гостепріимные и радушные хозяева, они угощали насъ, просили не церемониться, и мы, дѣйствительно, угощались не стѣняясь.

Сколько разнообразныхъ удовольствій доставлялъ намъ общій нашъ отецъ и благодѣтель! Онъ обращался съ нами какъ съ дѣтьми; мы привыкли всегда окружать его, не робѣя подбѣгали и шутили съ нимъ, забывая его величіе и его санъ. Я вполнѣ увѣренъ, что между нами не было тогда ни одного, который бы хотя на минуту задумался пожертвовать жизнью для него и за него.

Когда же, въ 1831 году, главнымъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ былъ назначенъ блаженный памяти Великій Князь Михаилъ Павловичъ, этотъ примѣрный и ревностный слуга отечества, этотъ благодѣтель военно-учебныхъ заведеній, тогда началось настоящее преобразованіе корпусовъ, которое шло быстро впередъ, совершенствуясь съ каждымъ годомъ.

Я тогда былъ уже выпускнымъ и, будучи отдѣленъ съ прочими отъ состава корпуса, не былъ участникомъ, а былъ только свидѣтелемъ различныхъ перемѣнъ и новыхъ порядковъ. Между прочими нововведеніями начали учить гимнастикѣ и танцамъ. Сколько было смѣшныхъ и забавныхъ сценъ первое время! Многіе, еще оставшіеся, слѣды старыхъ временъ рельефно вы-

(*) Прежде отрядныя ученія, репетиціи смотровъ и самые смотры были всегда на плацу 1-го Кадетскаго корпуса, куда и собиравлись всѣ корпуса.

казались въ то время: нѣкоторыхъ воспитанниковъ надобно было силою тащить въ танцклассъ: имъ странно было, что ихъ хотятъ сдѣлать ловчѣе и поворотливѣе; имъ совѣстно было, при прежнихъ привычкахъ и манерахъ, ломаться и выдѣлывать па, и они двигались какъ ученые медвѣди, —недоставало только пыганавожатаго.

Призы за успѣхи въ наукахъ возобновились; фельдфебели, унтеръ-офицеры и ефрейторы получили особые знаки, выражающіе ихъ званіе; учреждены мраморныя доски въ столовой залѣ, для помѣщенія на нихъ фамилій достойнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ воспитанниковъ; въ классахъ и ротахъ повѣшены красныя и черныя доски, для записыванія на нихъ фамилій прилежныхъ и лѣнливыхъ; уменьшена мѣра строгости наказаній. Однимъ словомъ, сдѣлано было все для поощренія труда и поведенія, чего прежде вовсе не было, а если кто учился и велъ себя хорошо, то или по полученному въ домѣ родителей хорошему направленію, которое до того пустило глубоко корни, что, при всѣхъ дурныхъ примѣрахъ, не могло совершенно изгладиться, или по врожденному чувству отличать хорошее отъ дурнаго, или наконецъ изъ страха жестокаго наказанія.

Въ это, самое лучшее, время я вышелъ изъ корпуса, по случаю производства въ офицеры. Душевно сожалѣю, что не родился десятью годами позже: тогда не испыталъ бы многого, что пришлось перенести въ бытность свою въ корпусѣ, несмотря на то, что я былъ изъ счастливѣйшихъ въ то время, ибо замѣчательно, что въ продолженіе 9 лѣтъ ни разу не былъ наказанъ тѣлесно. Такихъ кадетъ было очень немного, потому что иногда за самую маловажную вину наказывали розгами: это было гораздо проще и не стоило труда ротному командиру; пуस्कаться же въ назидательныя наставленія надобно было прежде еще обдумать, чтобы кратко, ясно и сильно подѣйствовать на воспитанника, иногда 20-ти и болѣе лѣтняго.

Этимъ я окончу мои воспоминанія. Можетъ быть, кто нибудь другой изъ бывшихъ воспитанниковъ съ 1823 года, слѣдуя моему примѣру, продолжитъ рассказъ мой, наполнивъ его своими воспоминаніями, и повѣститъ, для будущей исторіи 2-го Кадетскаго корпуса, какъ постепенно совершенствовались бытъ и образованіе воспитанниковъ. А мы, старики, прочтемъ и возблагодаримъ Бога, что дѣти наши имѣютъ счастье воспитываться

въ корпусахъ въ настоящее время, расскажем имъ про времена былыя и, давъ приличное наставленіе, вразумимъ ихъ: сколько они должны быть обязаны заботливости и отеческому попеченію возлюбленнаго нашего общаго отца и благодѣтеля — Государя Императора, что мало всей жизни и всѣхъ силъ достойно отблагодарить его за всѣ высокія милости, что немного требуется отъ нихъ: прилежаніе и хорошее поведеніе въ корпусѣ, честность, правдивость, безкорыстіе и усердіе къ службѣ, благоразумная распорядительность, мужество, умѣстная храбрость и неустрашимость въ военное время. Вотъ и все, чего ожидаютъ отъ нихъ Государь и отечество. Съ этими качествами каждый будетъ и полезнымъ гражданиномъ, и вѣрнымъ и надежнымъ слугою Царя и отечества.

Но да будетъ стыдно и грѣшно тому, кто, лѣнностію и дурнымъ поведеніемъ въ корпусѣ, безпечностію и нерадѣніемъ къ службѣ, несправедливостію и лихоимствомъ въ званіи начальника, не только не оправдаетъ всѣхъ неисчислимыхъ милостей и благодѣяній, но воздастъ зломъ за добро. Не приберу ни имени, ни наказанія для такого нравственнаго урода въ общей нашей семьѣ русской.

Бывшій воспитанникъ 2-го Кадетскаго корпуса.
